

Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия

А. В. Бондарев^{✉1,2}, И. В. Леонов^{2,3}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Музей-квартира Л. Н. Гумилева (филиал Государственного литературно-мемориального музея Анны
Ахматовой в Фонтанном Доме), 191040, Россия, Санкт-Петербург, ул. Коломенская, д. 1/15, кв. 4

³ Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 2

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых теоретико-методологических подходов, обладающих значительным эвристическим потенциалом для изучения сложноорганизованных памятников историко-культурного наследия. В качестве теоретической основы берется организмизм и его методологические производные — гештальт-культурологический, культурогенетический и архитектурный подходы. И хотя такая теоретико-методологическая комбинация подходов кажется на первый взгляд неожиданной и непривычной, тем не менее она представляется авторам эффективной и оправданной, поскольку использование этих подходов задает достаточно четкие и ясные ориентиры для моделирования сложноорганизованной многослойности памятников культурного наследия как целостных единств, возникших в ходе череды различных исторических метаморфоз. В статье содержится ряд примеров рассматриваемых памятников с различной степенью их структурной неоднородности. Среди примеров материально-смысловой неоднородности артефактов выделяются ее «двухслойные», «трехслойные» и «четырёхслойные» проявления. Отдельное внимание уделяется артефактам, структура которых отличается высокой степенью сложности и неоднородности. Обозначаются специфические стороны каждого из подходов, выраженные в объективированных и естественнонаучных аспектах организмического подхода, связанного с именами Гёте и Гердера; в акценте на сферу воображаемого и психологического в гештальт-культурологическом подходе, истоки которого напрямую связаны с организмизмом, а также с идеями Х. фон Эренфельса, многие из которых были развиты представителями гештальтпсихологии, а также с фундаментальными трудами О. Шпенглера и Г. Д. Гачева, составившими основу проблемного поля гештальт-культурологии; в анализе историко-генетических последовательностей и смыслопорождения в культурогенетическом подходе, разрабатываемом в трудах В. М. Массона, А. В. Бондарева и др.; в глубинных структурных сдвигах смысловосферы исторически преобразующегося памятника в ходе его истории в архитектурном подходе, основным выразителем которого является И. В. Кондаков. Подчеркивается важность задействования культурологического уровня изучения культурного наследия, располагающегося в системе культурознания между фактографическим культуроведением, затрагивающим самые различные науки, так или иначе изучающие культуру, и абстрактной культурфилософией, имеющей мировоззренческий характер и наивысшую степень обобщенности и абстрактности, которые при всей их мировоззренческой и теоретико-методологической значимости трудно переводимы в прикладную плоскость.

Ключевые слова: культурное наследие, сложноорганизованный памятник, «многослойный» артефакт, историко-культурный организм, гештальт, культурогенез, архитектоника.

Для цитирования:

Бондарев, А. В., Леонов, И. В. (2019) Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 1, № 1, с. 46–55. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-46-55

Получена 12 апреля 2019; прошла рецензирование 4 июня 2019; принята 4 июня 2019.

Права: © Авторы (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Theoretical and methodological approaches to the study of complex monuments of cultural heritage

Alexey V. Bondarev^{✉1,2}, Ivan V. Leonov^{2,3}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Memorial Museum of Lev Gumilev (a branch of Anna Akhmatova Literary and Memorial Museum at the Fountain House), Apt. 4, 1/15 Kolomonskaya Str., Saint Petersburg 191040, Russia

³ St Petersburg State Institute of Culture, 2 Palace Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of certain theoretical and methodological approaches with significant heuristic potential for the study of complex monuments of historical-cultural heritage. Organicism and its methodological derivatives — gestalt-culturological, cultural-genetic and architectonic approaches — are used as a theoretical foundation of the study. Although such a theoretical and methodological combination of approaches may appear unexpected and unusual, nevertheless, the authors consider it to be effective and justified, since the use of these approaches provides sufficiently clear and definite guidelines for modelling the complex layering of cultural heritage monuments as integral units that were formed during a series of historical metamorphoses. The article contains a number of examples of such monuments with different degree of their structural heterogeneity. Among the examples of the material-semantic heterogeneity of artefacts are its “two-layered”, “three-” and “four-layered” manifestations. Special attention is paid to artefacts, whose structure is characterised by a high degree of complexity and heterogeneity. The issue marks specific aspects of each of the approaches expressed in the objectified and natural-scientific aspects of the organismic approach, associated with the names of Goethe and Herder; in the focus on the sphere of the imaginary and psychological in the gestalt-cultural approach, the sources of which are directly connected with organicism, as well as with the ideas of C. von Ehrenfels, O. Spengler and G. D. Gachev; in the analysis of historical-genetic sequences and meaning origination in the culture-genetic approach developed in the works of V. M. Masson, A. V. Bondarev, and others; in deep structural shifts of the semantic sphere of the historically transforming monument in the course of its history in the architectonic approach, chiefly formulated by I. V. Kondakov. The authors emphasise the importance of employing the culturological level of cultural heritage study, located in the system of cultural knowledge between the factual cultural studies, affecting a variety of sciences, studying culture in one way or another, and abstract cultural philosophy, which has a philosophical character and the highest degree of generality and abstractness, which, for all their ideological and theoretical and methodological significance, are difficult to translate into the sphere of applied knowledge.

Keywords: cultural heritage, complex monument, “multilayered” artefact, historical-cultural organism, gestalt, cultural genesis, architectonics.

For citation: Bondarev, A. V., Leonov, I. V. (2019) Theoretical and methodological approaches to the study of complex monuments of cultural heritage. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 46–55. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-46-55

Received 12 April 2019; reviewed 4 June 2019; accepted 4 June 2019.

Copyright: © The Authors (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Сфера культурного наследия, будучи многогранной и неоднородной, содержит особый тип памятников, материальные и смысловые стороны которых отличаются сложностью «напластований» и взаимопроникновений, возникших в ходе истории и продолжающих дополняться. Данные памятники могут иметь различные пространственно-временные масштабы, а также степени смысловой глубины и аксиологической значимости. С одной стороны, в ряду таких примеров можно назвать Московский Кремль, комплекс зданий Государ-

ственного Эрмитажа, имеющих богатую историю, первоочередной статус и особую актуальность в контексте культурного наследия России. С другой стороны, возникновение сложноорганизованных структур разного порядка характерно и для менее масштабных памятников, вплоть до отдельных артефактов — предметов мебели, сувениров, рукописей и т. п. Основным маркером в данном случае выступает возникновение материальной и смысловой неоднородности «патины времени», которая слой за слоем впитывает воздействие истории. И чем выше

степень такой неоднородности, тем больше оснований возникает для отнесения названных памятников к рассматриваемой группе.

Среди примеров материально-смысловой неоднородности артефактов можно условно выделить ее «двухслойные» проявления, несколько реже «трех-» и «четырёхслойные». Наконец, можно встретить артефакты, структура которых отличается высокой степенью сложности и неоднородности. В отношении «двухслойности» примеров в отечественной и зарубежной практике достаточно много. Присутствие «другого» слоя обозначено в приоткрытых участках внутренней кирпичной кладки Благовещенского собора Московского Кремля; в открытом участке дубового пола одной из церквей Собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (храм Василия Блаженного на Красной площади); в следах от фашистских обстрелов, оставленных на некоторых памятниках Санкт-Петербурга; в расчищенных элементах фасада и кладки Зимнего дворца Петра I, со стороны Зимней канавки и т. д. «Трёхслойность» структуры артефактов находит свое проявление в живописном плафоне Ореховой комнаты дворца А. Д. Меншикова на Васильевском острове, за которым были обнаружены и частично экспонируются два слоя более ранних росписей потолка. Примером обнажения всех слоев артефакта являются археологические «срезы», или стратиграфия. Раскрытие таких наслоений, демонстрирующих более двух состояний памятника, можно наблюдать в музее Крипты паперти Нотр-Дам на острове Сите в Париже. Кроме того, существуют артефакты, которые с течением времени, впитав множественные воздействия истории, сохраняют и проявляют их в едином ансамбле, наряду с изначальным первофеноменом и эталонным состоянием. Одним из ярких примеров, помимо упомянутого выше Московского Кремля, комплекса эрмитажных зданий, в данном случае выступает Царскосельский ансамбль (см. о примерах подробнее: Бондарев, Леонов 2018, 78–87; Леонов, Филиппова-Стоян 2018, 110–114).

Однако, как правило, в ходе изучения и практик экспонирования такие памятники попадают в «прокрустово ложе» наиболее распространенных и традиционно применяемых в сфере изучения и работы с культурным наследием подходов, суть которых сводится к поиску однозначной интерпретации их смысловой составляющей и «биографий», построенных с опорой на линейно-стадиальные хроноструктуры. В результате такого упрощающего подхода рассматриваемые памятники во многом утрачи-

вают свою специфику, становясь в один ряд с артефактами, историко-культурная структура которых достаточно проста, а их восприятие основывается на четком следовании заданным траекториям генезиса их материальной и ценностно-смысловой сторон. В своей крайности такой подход может и вовсе нивелировать сложноорганизованный артефакт, превратив его в «однослойный».

Высокий уровень историко-культурной сложности сам по себе не является абсолютным критерием ценности памятников по отношению к артефактам с простой структурой. Сфера наследия знает немало примеров, когда относительно «молодые» и однозначно интерпретируемые памятники получали колоссальную степень значимости. Речь идет лишь об особых качествах, обогащающих артефакты и делающих их разноплановыми и преобразующимися. Выявление и изучение данных артефактов имеет несомненный научный интерес и перспективу, реализация которых позволяет раскрыть все богатство «наследственного материала» культуры.

Обычно рассмотрение памятников культурного наследия проводится на культурологическом уровне, с позиций самых различных наук, так или иначе изучающих культуру (археология, этнография, краеведение, история культуры, искусствоведение и т. д.). На уровне культуроведения аккумулируются сведения о культуре (отсюда и название — *культуроведение*), накапливаемые в различных областях социально-гуманитарных наук (о трехуровневой организации как краеугольном теоретико-методологическом принципе в системе знаний о культуре см.: Бондарев 2016, 6–14; Быховская 1996, 31–42; Мосолова 2013, 55–72). В культурологических науках собирается и анализируется фактографический материал о многообразии формопроявлений культурного наследия, разрабатываются проблемы его сбережения, охраны и актуализации. Этот уровень рассмотрения историко-культурного наследия имеет множество достоинств и познавательных преимуществ, выступая необходимым источником и фактографическим фундаментом для всех дальнейших уровней теоретического изучения и философского осмысления как конкретных памятников культуры, так и культурного наследия в целом. Каждый из этих уровней имеет свои особенности, эвристические возможности и ограничения. Своеобразие культурософского уровня в изучении культурного наследия проявляется в том, что он носит мировоззренческий характер

и выражает личностно-окрашенный опыт осмысления культуры. В культурфилософских концепциях культурного наследия неизбежно проявляется своеобразие той или иной философской школы, течения, направления, личности мыслителя. Философские школы и течения акцентируют внимание на экзистенциальных проблемах человеческого бытия, а культурософия, отражая человеческие ценности, нормы и человеческое отношение к миру, обращается к предельным смысловым основам бытия культуры, рассматривает все многообразие памятников культурного наследия и весь мир в их человеческом ценностно-смысловом измерении. Поэтому культурфилософские концепции культурного наследия отличаются наивысшая степенью обобщенности и абстрактности, которые при всей их мировоззренческой и теоретико-методологической значимости трудно переводимы в прикладную плоскость практических решений и управленческих действий, касающихся настоящего и будущего конкретных исторических памятников, актуализации их культурного потенциала.

В этой связи так важно задействовать *культурологический уровень* изучения культурного наследия, располагающийся в системе культурознания между фактографическим культуроведением и абстрактной культурфилософией. В этой статье мы постараемся раскрыть суть некоторых теоретико-методологических подходов, используемых в культурологическом знании в отношении изучения культурного наследия, позволяющих раскрыть специфические черты памятников со сложной структурой. К таковым относятся: *организмический подход*, связанный с именами Гёте и Гердера; *гештальт-культурологический подход*, истоки которого напрямую связаны с органицизмом, а также с идеями Х. фон Эренфельса, многие из которых были развиты представителями гештальтпсихологии, а также с фундаментальными трудами О. Шпенглера и Г. Д. Гачева, составившими основу проблемного поля гештальт-культурологии; *культурогенетический*, разрабатываемый в трудах В. М. Массона, А. В. Бондарева и др.; *архитектонический подход*, основным выразителем которого является И. В. Кондаков. Добавим, что представленный перечень не является исчерпывающим, поскольку в рамках культурологии и культуроведческих дисциплин накоплен и расширяется определенный теоретико-методологический опыт. Мы не ставим своей целью предложить некую альтернативу подходам, разработанным в сфере музееведения, искус-

ствоведения, фольклористики и других дисциплин. Наша задача — познакомить читателя с частью того арсенала, который накоплен в культурологии и имеет недостаточную степень проникновения в область отраслевого знания о культуре, а также в сферу практической работы с культурным наследием.

Организмический подход берет свое начало с работ Гердера и Гете, являвшихся единомышленниками и друзьями (Гердер 1977; Гете 1957). В своих трудах Гете и Гердер отталкивались от представлений о том, что развитие живых организмов, будучи обусловленным как внутренними, так и внешними естественными факторами, представляет собой «исторические цепочки» их усложнений, при сохранении изначальных состояний и наличии прообразов будущих форм. Причем такие «цепочки» носят разный масштаб и обнаруживаются как в морфогенезе организмов определенного «вида», так и в более сложных «межвидовых» преобразованиях. В частности, описывая развитие живых организмов на пути к появлению человека, Гердер писал: «Сквозь все эти ряды живых существ проходит замеченное нами сходство основной формы, сходство соблюдаемое, насколько допускает это конкретное предназначение существа и варьируемое бесчисленное количество раз; эта основная форма по мере восхождения все более приближается к человеческому облику» (Гердер 1977, 116).

Примечательно, что в работах Гердера данные представления были распространены не только на живую, но и на неживую сферу. Результатом деятельности немецких ученых стало оформление подхода, согласно которому перед исследователями предстали множества организованных единств, преобразующихся в ходе истории и сохраняющих в ходе своих метаморфоз изначальный первообраз или принцип целостности.

Отмеченный подход, будучи перенесенным в сферу культурного наследия, позволяет «схватывать» сложноорганизованные памятники с учетом их историогенетических преобразований как нечто организованное и взаимосвязанное в пространстве и времени, в единстве преобразований их материальных и смысловых составляющих. Иначе говоря, он позволяет увидеть всю сложность и «многослойность» историко-культурного артефакта, находящегося в непрерывном развитии.

Необходимо особо подчеркнуть, что организмический подход направлен не на то, чтобы «расщеплять» сложные памятники, выстраивая их морфогенез в простые линейные

последовательности, попутно фиксируя структурные срезы. Эти операции в контексте данного подхода вполне допустимы. Выявлять особенности структурной организации организмов в ходе изучения их развития, разумеется, целесообразно. Но совершать данные процедуры в одном направлении с отбрасыванием изначальной целостности и без возвращения к ней по меньшей мере однобоко. Увлечение представителей гуманитарных наук (впрочем, как и точных) фиксацией и анализом внутренних структур и функционального своеобразия элементов изучаемых целостностей, принесшее определенные эвристические плоды в 40–70-е гг. XX в., в настоящее время принимает излишний характер, отгесняя проблему целого на второй план.

С организмической парадигмой теснейшим образом связаны *культурогенетические исследования*, в рамках которых изучается процесс перманентного порождения и самовозобновления культуры. *Культурогенетические процессы*, с одной стороны, порождают культуру, а с другой — связывают факты и явления культуры в единую цепь развития. В соответствии с этим подходом культурное наследие рассматривается как суммарный итог культурогенеза в фиксированный момент времени, а пласты культурного наследия — как своего рода отложения макроритмов культурогенетических процессов (Бондарев 2014, 7). В свете культурогенетических исследований культурное наследие понимается как область «наследственного материала» культуры, необходимого для ее полноценного сохранения, трансляции и обновления. Наследие в этом процессе играет роль связующего материала, обеспечивающего процесс порождения и самовозобновления культуры на каждом этапе ее развития. И поскольку любая, даже самая «стабильная» культура так или иначе пребывает в постоянных изменениях, то и наследие являет собой комбинацию устойчивых, видоизменяемых и новых компонентов. В разных пропорциях указанных компонентов и с разной скоростью их изменений наследие трансформируется вместе с культурой, обеспечивая необходимый минимум «генетического материала», достаточный для полноценного воспроизводства культуры в том или ином историческом состоянии. Вместе с тем наследие не отражает изменения культуры в буквальном виде, оно скорее являет собой ее консервативный элемент, который все же преобразуется, но не так быстро, как сама культура, включая ее «экстремальные» состояния. Характеризуя отмеченный аспект наследия,

В. М. Массон подчеркивает, что «именно стабильность и преемственность культурного наследия обеспечивает устойчивость обществ» (Массон 2014, 242).

Данный подход позволяет говорить о многослойных артефактах как об уникальных памятниках, впитавших в себя наследственный материал сразу нескольких исторических состояний культуры. Причем отдельные аспекты этого материала могут быть востребованы и в настоящее время, некоторые могут находиться в сфере полного забвения и ожидать своего часа актуализации. Соответственно, «биография» такого артефакта предстает как процесс, взаимосвязанный с историческими метаморфозами культуры. И, как «свидетель» и носитель культурогенетических процессов, такой артефакт не может быть «расчищен» и тем самым упрощен в угоду какому-либо одному состоянию культуры и ее наследия.

Следующий подход, на котором необходимо остановиться, условно можно обозначить как *«гештальт-культурологический»*. Особенностью данного подхода, который, как уже отмечалось, имеет тесную связь с идеями органицизма и холизма, является ярко выраженный акцент на сферу психического и воображаемого бытования артефактов по отношению к их материализованной стороне. Разумеется, психолого-воображаемое моделирование реальности характерно для всех познавательных практик, однако в гётевской традиции организменного подхода превалирует акцент на реальность, существующую помимо человека и которую человек должен как можно точнее «схватить». При таком видении некий артефакт со сложной историко-культурной структурой может быть интерпретирован с позиций поиска максимально точной, объективированной и документально подтвержденной стороны с целью фиксации его организменного единства и морфогенеза. В таком случае организмический подход получает более яркое выражение, нежели «гештальт-подход». Однако, как показывает опыт, представления о сложных артефактах, «гнездясь» в сознании человека во всех своих состояниях, метаморфозах, смысловых напластованиях и искажениях, могут представлять не менее богатую и многогранную реальность, наполненную разнообразными «гештальтами» или «образами» того организма, в отношении которого они возникли. В такой ситуации акцент на психические и воображаемые гештальты перевешивает реальность самого организма, ставя на первое место не артефакт, а сферу «игр» с его «отражениями» в сознании.

Показательным примером в данном случае служит Царскосельский ансамбль, являющийся сложным историко-культурным организмом и выраженный в огромном количестве представлений о нем, то есть в гештальтах его истории, состояний и смыслов. Здесь вполне уместно сослаться на мнение О. Шпенглера, утверждавшего за каждой культурой право видеть мир во всех его гранях и проявлениях по-своему, через собственный и органично возникший гештальт (Шпенглер 1998, 261–272).

Возвращаясь к психолого-воображаемому акценту рассматриваемого подхода, отметим, что еще в 1890 г. в работе «О гештальт-качествах» Х. фон Эренфельс (с опорой на исследования Э. Маха) высказал ряд тезисов относительно особенностей восприятия человека, удачно используя при этом в качестве примера музыкальные произведения (Ehrenfels 1890). Эренфельс считал, что, воспринимая отдельные ноты произведения, человек осваивает (формирует) его целостность, которая в дальнейшем будет задействоваться для узнавания всего произведения через его фрагменты. Спустя два десятилетия на основе разработки идей ученого возникла гештальтпсихология, за точку отсчета которой принято считать работу М. Вертгеймера, «Экспериментальные исследования восприятия движения» (1912). Несколько ранее Вертгеймера идеи относительно способности человека «схватывать» бинокулярным зрением предметы, опираясь на их обобщенные «образы», высказал О. Шпенглер в диссертации «Развитие зрительного органа на высших стадиях животного царства» (1904). Развивая эту мысль в сложной цепочке умозаключений, Шпенглер связал со способностью человека создавать образы реальности и формировать на этой основе ее целостный гештальт саму возможность появления абстрактного мышления и культуры. Разрабатывая эти идеи, Шпенглер посвятил большую часть своих исследований анализу различных гештальтов, которые присущи тем или иным культурам прошлого и настоящего. В этом же направлении работал и наш соотечественник Г. Д. Гачев, раскрывший «национальные образы мира» многих культур путем кропотливого погружения в их когнитивную сферу.

Обозначенная исследовательская традиция имеет высокую степень соответствия и применимости в области изучения сложноорганизованных артефактов, которые могут представлять перед человеком в одновременном и сложном «многоцветии» всех своих состояний либо в частично сохранившемся и фрагментарном виде. В первом случае гештальт вносит некую

упорядоченность в морфогенез и структуру памятника, изначально предстающего как некая нагроможденность или сумматив информации, разобраться в которой для воспринимающего нет возможности. При восприятии максимально сложного артефакта, «бьющего» зрителя единым «аккордом» сразу всех своих состояний, гештальт памятника, возникший или внедренный в сознание зрителя, способен ранжировать эти состояния и выстраивать соответствующие морфогенетические последовательности истории памятника от изначального первофеномена к его современному виду. Во втором случае дело касается работы с памятниками, «тело» которых не всегда сохраняет все следы воздействий истории, — многое приходится достраивать и компенсировать в воображении, формируя их целостные гештальты, узнаваемые даже на уровне фрагментарного восприятия памятников. Здесь гештальт также выступает как некая когнитивная структура, способная упорядочить представление об историогенезе материальной стороны и смысловой сферы частично сохранившегося артефакта. При таком подходе через сохранившийся «осколок» можно восстановить и увидеть всю историю памятника.

Тем не менее практика работы со сложными артефактами такова, что их гештальты формируются и раскрываются перед зрителем / читателем далеко не всегда. В данном случае сфера работы с культурным наследием не лишена перегибов. Как правило, об артефактах рассматриваемого типа формируются либо фрагментарные, либо упрощенно-линейные представления, привязанные к определенным «ритмикам» истории. Либо формируются перенасыщенные и перегруженные гештальты, в которых теряется ясность, включая логику построения их целостности и морфогенетических преобразований.

Гештальт сложноструктурированного памятника, бытуя в сознании человека, может быть гораздо многообразнее, чем материальная сторона артефакта. Следы историко-культурных воздействий и преобразований на самом памятнике могут сохраняться частично, могут замечаться на поздние, могут расчищаться до более ранних, могут существовать фрагментарно, наконец, памятник может быть полностью уничтожен. Тем не менее гештальты могут сохраняться и даже развиваться, подпитываясь смысловым самоусложнением.

Отмеченное качество гештальта имеет широкую перспективу применения не только в работе с памятниками, сохранность которых оставляет желать лучшего. Данный подход, направленный, как и организменный, на понимание

сложного артефакта как развивающегося и постоянно преобразующегося единства его историко-культурных состояний и смысловых усложнений, идущих от изначального первообраза, предполагает высокую степень моделируемости отмеченного процесса.

Гештальты сложных артефактов, бытуя в разных сферах культуры, проявляют высокую степень «пластичности», принимая самые причудливые формы. И, к сожалению, опыт анализа данного явления свидетельствует о том, что в пространстве массовой культуры они, коррелируя с массовым вкусом и уровнем знаний, принимают искаженные формы, далекие от реального историогенеза памятника. В качестве примера можно привести, распространенный в массовой культуре спектр представлений о вензеле «Е» на ограде Большого Дворца и гербе Царского Села. Данный вензель, принадлежащий Екатерине I, среднестатистический посетитель ассоциирует, как правило, с Екатериной II, иногда с Елизаветой и достаточно редко с Екатериной I. Данная ситуация стала следствием того, что заглавные буквы имени, присутствующие в вензелях трех императриц, «сплелись» на уровне представлений обывателя в один обобщенный вензель, соотносимый с одной из трех императриц на выбор.

И, наконец, *архитектонический подход*, разработанный И. В. Кондаковым и имеющий высокую степень применимости к анализу исторических преобразований культуры и культурного наследия (Кондаков 2014; Кондаков 2013). Особенностью данного подхода является отведение особой роли смысловосфере культуры, состояние и динамика которой носит системообразующий для культуры характер, но в свою очередь определяется более широкими архитектурными процессами, лежащими в основе культуры в целом. Согласно мнению ученого, сфера культурного наследия, будучи связанной с широким и исторически изменчивым социокультурным контекстом, включая связь со смысловым полем культуры, сама представляет сложноорганизованную изменяющуюся реальность.

Архитектонический подход показывает, что культурное наследие, являясь вполне оформленным и выраженным в рамках различных этапов истории, постоянно дополняется, видоизменяется и преобразуется. Причем в контексте истории той или иной культуры находят свое проявление как инвариантные, так и вариативные характеристики ее «наследственного материала», переживающего качественные трансформации, но обеспечивающего процесс

сохранения, воспроизводства и обновления культуры.

По мнению И. В. Кондакова, в сфере культурного наследия в ходе истории осуществляются морфогенетические «сдвиги» трех смысловых составляющих, комбинаторика которых образует его неповторимый конкретно-исторический облик. Иначе говоря, определяет особое понимание культурного наследия в рамках того или иного историко-культурного периода. Среди таковых компонентов ученый называет актуальное, снятое и потенциальное наследие (Кондаков 2014, 535).

Будучи постоянно преобразующейся «длительностью», наследственный материал культуры получает выражение в его актуальной составляющей на тот или иной момент времени. Однако, как и сама культура, наследие не стоит на месте и с течением времени утрачивает смысловые акценты на том, что когда-то казалось востребованным «раз и навсегда». Актуальное при утрате своего статуса переводится в снятую сферу. Однако между данными полюсами лежит область потенциального наследия, то есть область наиболее вероятного перехода определенного наследственного материала из неактуального в актуальное содержание.

Представленный подход позволяет воспринимать и изучать сферу культурного наследия с позиций его постоянных метаморфоз, на основании выявления его устойчивых и неустойчивых составляющих. При таком подходе различные компоненты наследственного материала не ускользают от исследователя и воспринимаются им как значимые, даже если многие из них устарели и выведены в неактуальную и «бесполезную» область. Показательно в данном случае то, что практически все эпохи в истории культуры преподносят себя как обладающие «отфильтрованным», исчерпывающим и ценным наследием. Но с течением времени даже самые «полноценные» и «продвинутые» эпохи оказываются в ситуациях своего финала с последующим наступлением «переходности», проходя через которую они переживают бурные трансформации, сопровождаемые селекцией наследственного материала в соответствии с обновленными реалиями культуры.

Архитектонический взгляд на сферу культурного наследия как на многогранную и динамически преобразующуюся реальность показывает ущербность практик работы со сложноорганизованными артефактами, направленных на «расчистку» одного из их слоев или состояний в угоду времени, включая предпочтения определенных смысловых компонентов,

являющихся лишь частью богатой смысловосферы памятников рассматриваемого типа. Данные практики во многом несостоятельны, поскольку они обрывают историогенез и делают невозможным структурное «многозвучие» памятников. Такой артефакт, став «однослойным», перестает полноценно репрезентировать свою историю и внутреннее богатство и, как следствие, делает проще не только наследие, но и саму культуру.

Сложный памятник тем и притягателен, что он сформирован из различных состояний и имеет множество прочтений. Его формы и смысловая аура наподобие «годовых колец» впитывают и отражают всю биографию памятника, со всеми притягательными и противоречивыми аспектами его истории. Морфогенез сложного историко-культурного организма должен восприниматься во всем комплексе его преобразований, включая то, что значимо для современников, и то, что может стать актуальным для потомков. Смотреть на памятник глазами нескольких историко-культурных периодов одновременно, включая потенциальные состояния *культуры будущего*, — задача достаточно трудная и непосильная для многих адептов текущих историко-культурных состояний, в жертву которым приносятся многообразные формы и смыслы *ее* наследия. В данном случае архитектурный подход дает полноценное обоснование стратегиям максимального сохранения всей сложности преобразующегося и дополняемого наследственного материала культуры.

Таким образом, применение предложенных теоретико-методологических подходов позволяет увидеть в некоторых памятниках культурного наследия не статичные объекты, а *сложные развивающиеся историко-культурные «организмы»*, в генезисе которых, как в капле воды,

отражаются многие сущностные представления о мире, о природе, ее преобразованиях человеком, о прекрасном и, конечно, о самих себе и идеальном устройстве общества. На основе этих подходов можно проводить анализ генетически связанных друг с другом слоев, одновременно присутствующих в постоянно преобразующемся сложноорганизованном памятнике, транслирующих и видоизменяющих его изначальный первообраз, дополняющих и «расширяющих» его пространство, а также «смысловую ауру». В истории многослойного памятника значимость имеет каждое «годовое кольцо». Данные «кольца», или слои, могут восприниматься по-разному. Например, они могут «отрываться» друг от друга, контрастировать, вступать в противоречия и даже усиливать друг друга, формируя некие спектры состояний и смыслов. И на фоне этих пересечений, усложнений и смысловых «игр» поднимается уровень историко-культурной многогранности и, как следствие, статус самого памятника.

Итак, как мы постарались показать, органицизм и его методологические производные — гештальт-культурологический, культурогенетический и архитектурный подходы обладают значительным эвристическим потенциалом для изучения сложноорганизованных памятников историко-культурного наследия. И хотя такая теоретико-методологическая комбинация подходов кажется на первый взгляд неожиданной, непривычной и даже несколько «архаичной», тем не менее именно она представляется эффективной и оправданной, поскольку использование этих подходов задает достаточно четкие и ясные ориентиры для моделирования сложноорганизованной многослойности памятников культурного наследия как целостных единств, возникших в ходе череды различных исторических метаморфоз.

Литература

- Бондарев, А. В. (2014) Отечественная культурогенетика: истоки, развитие и современное состояние (вместо предисловия). В кн.: А. В. Бондарев (ред.). *Культурогенез и культурное наследие*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 7–28.
- Бондарев, А. В. (2016) Науки о культуре. Культурология. В кн.: А. М. Мосолова (ред.). *Культура школы (Толковый словарь для учителя)*. СПб.: Астерион, с. 6–14.
- Бондарев, А. В., Леонов, И. В. (2018) Теоретико-методологические подходы к изучению памятников культурного наследия (на примере дворцово-паркового ансамбля Царского Села). Статья первая. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, № 6 (86), с. 78–87.
- Быховская, И. М. (1996) Изучение культуры: горизонталы и вертикали. В кн.: Е. Я. Александрова, И. М. Быховская. *Культурологические опыты*. М.: РИК, с. 31–42.
- Гердер, И. Г. (1977) *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 703 с.
- Гете, И.-В. (1957) *Избранные сочинения по естествознанию*. Л.: Издательство Академии наук СССР, 556 с.

- Кондаков, И. В. (2013) Культурное наследие в России: конструирование памяти. В кн.: Д. К. Бурлака (ред.). *Альманах Научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурология»*. Вып. III. СПб.: РХГА, с. 88–110.
- Кондаков, И. В. (2014) Архитектоника культурного наследия В кн.: А. В. Бондарев (ред.). *Культурогенез и культурное наследие*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 533–544.
- Леонов, И. В., Филиппова-Стоян, Л. Е. (2018) Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения. *Человек. Культура. Образование*, № 2 (28), с. 103–117.
- Массон, В. М. (2014) Пульсирующая динамика ритмов культурогенеза и культурное наследие. В кн.: А. В. Бондарев (ред.). *Культурогенез и культурное наследие*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 213–255.
- Мосолова, Л. М. (ред.). (2013) *Культурология*. М.: Издательский центр «Академия», 350 с.
- Шпенглер, О. (1998) *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность*. М.: Мысль, 663 с.
- Ehrenfels, Ch. (1890) Über „Gestaltqualitäten“. In: R. Avenarius (Hg.) *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. Jg. 14. Leipzig: O. R. Reisland, S. 249–292.

References

- Bondarev, A. V. (2014) Otechestvennaya kul'turogenetika: istoki, razvitie i sovremennoe sostoyanie (vmesto predisloviya) [Native culturogenetics: origins, development and the present state (instead of the preface)]. In: A. V. Bondarev (ed.). *Kul'turogenез i kul'turnoe nasledie [Culturogenesis and cultural heritage]*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 7–28. (In Russian)
- Bondarev, A. V. (2016) Nauki o kul'ture. Kul'turologiya [Sciences of culture. Culturology]. In: L. M. Mosolova (ed.). *Kul'tura shkoly (Tolkovyj slovar' dlya uchitelya) [School culture (Explanatory dictionary for teachers)]*. Saint Petersburg: Asterion Publ., pp. 6–14. (In Russian)
- Bondarev, A. V., Leonov, I. V. (2018) Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu pamyatnikov kul'turnogo naslediya (na primere dvortsovo-parkovogo ansamblya Tsarskogo Sela). Statya pervaya [Theoretical and methodological approaches to the study of monuments of cultural heritage (on the example of the palace and park ensemble of Tsarskoe Selo). Article one]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, no. 6 (86), pp. 78–87. (In Russian)
- Bykhovskaya, I. M. (1996) Izuchenie kul'tury: gorizontali i vertikali [The study of culture: horizontal and vertical]. In: E. Ya. Aleksandrova, I. M. Bykhovskaya. *Kul'turologicheskie opyty [Cultural studies]*. Moscow: Russian Institute for Cultural Research Publ., pp. 31–42. (In Russian)
- Ehrenfels, Ch. (1890) Über „Gestaltqualitäten“. In: R. Avenarius (Hg.) *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. Jg. 14. Leipzig: O. R. Reisland, S. 249–292.
- Goethe, J. W. von (1957) *Izbrannyye sochineniya po estestvoznaniyu [Selected works on natural history]*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 556 p. (In Russian)
- Herder, J. G. (1977) *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*. Moscow: Nauka Publ., 703 p. (In Russian)
- Kondakov, I. V. (2013) Kul'turnoe nasledie v Rossii: konstruirovaniye pamyati [Culture heritage in Russia: constructing of memory]. In: D. K. Burlaka (ed.). *Al'manakh Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii "Mir kul'tury i kul'turologiya" [Almanac of Research and Educational Cultural Society "World of culture and culturology"]*. Iss. III. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Publ., pp. 88–110. (In Russian)
- Kondakov, I. V. (2014) Arkhitektonika kul'turnogo naslediya [Architectonics of cultural heritage]. In: A. V. Bondarev (ed.). *Kul'turogenез i kul'turnoe nasledie [Culturogenesis and cultural heritage]*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 533–544. (In Russian)
- Leonov, I. V., Filippova-Stoyan, L. E. (2018) Istoriko-kul'turnye struktury artefaktov: metody izucheniya, kriterii identifikatsii i praktiki sokhraneniya [Historical-cultural structures of artifacts: Methods of studying, identification criteria and conservation practices]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie — Human. Culture. Education*, no. 2 (28), pp. 103–117. (In Russian)
- Mosolova, L. M. (ed.) (2013) *Kul'turologiya [Culturology]*. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya" Publ., pp. 55–72. (In Russian)
- Masson, V. M. (2014) Pul'siruyushchaya dinamika ritmov kul'turogeneza i kul'turnoe nasledie [The pulsating dynamics of rhythms of cultural genesis and cultural heritage]. In: A. V. Bondarev (ed.). *Kul'turogenез i kul'turnoe nasledie [Cultural genesis and cultural heritage]*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., pp. 213–255. (In Russian)
- Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality]*. Moscow: Mysl' Publ., 663 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Бондарев Алексей Владимирович, e-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; старший научный сотрудник Музея-квартиры Л. Н. Гумилева (филиал Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)

Леонов Иван Владимирович, e-mail: ivaleon@mail.ru

Доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Музея-квартиры Л. Н. Гумилева (филиал Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме)

Authors

Alexey V. Bondarev, e-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru

Candidate of Sciences (Culturology), Associate Professor, the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University; Senior Researcher of the Memorial Museum of Lev Gumilev (a branch of Anna Akhmatova Literary and Memorial Museum at the Fountain House)

Ivan V. Leonov, e-mail: ivaleon@mail.ru

Doctor of Sciences (Culturology), Associate Professor, the Department of Theory and History of Culture, St Petersburg State Institute of Culture; Senior Methodologist of the Memorial Museum of Lev Gumilev (a branch of Anna Akhmatova Literary and Memorial Museum at the Fountain House)